

SUMMARY

Kazarin V.P., Novikova M.A. Akhmatova. Dante. Crimea (Part two)

The paper is a prolongation of the previous essay by the same authors where Dantenian motives have been traced in Akhmatova's Crimean Text and its biographical references. The main point of interest were social and cultural contexts, chronos and topos of Akhmatova's Dantology as a reflection of her Crimean experience. The present paper focuses on Akhmatova's Jubilee Report on Dante (1965) where the authors have found out her early Italian and Crimean impressions. But the central motive in Akhmatova's late Dantological studies is surely the patriotic one. This motive is highly autobiographical, including submotives of poetry as a voice of God and nation, loyalty to Motherland, emigration (both internal and/or external). Dantenian theme within Akhmatova's creative work and personal life can be termed as a shift from the intimate to the public, from social humiliation to inner resistance, from remorse to spiritual freedom. This evolution is supported with Akhmatova's symbolism in light, colours, material objects, spatial markers and historical details.

Key words: Dante, Akhmatova, the Crimean Text, biographical references, the Jubilee Report (1965), early Italian and Crimean impressions, central patriotic motive, submotives (of humiliation, resistance, remorse, spiritual freedom), symbolism

*Е. С. Карпина
(Артемовск)*

УДК 821.161.1

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЁВА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ КОНЦА XX ВЕКА

Всеволод Сергеевич Соловьёв – известный русский беллетрист рубежа XIX-XX столетий, автор многочисленных исторических романов. Несмотря на широкую известность и признание читателей, литературно-критическая рецепция его наследия современниками была весьма неоднозначной.

Характеристика литературной деятельности прозаика Н. А. Энгельгардтом, А. А. Измайловым и П. В. Быковым была исключительно положительной. А. М. Скабичевский и Н. Н. Соколов, напротив, оценивали её отрицательно и пренебрежительно отзывались о художественном методе романиста. В статьях К. П. Мелведского, часто писавшего под псевдонимом К. Петров, представлены диаметрально противоположные оценки творчества писателя.

В 1917 г. – в год двух российских революций – было выпущено полное собрание сочинений Всеволода Соловьёва в сорока двух томах, сопровождаемое вступительным очерком П. В. Быкова о жизни и творчестве романиста. С тех пор произведения Соловьёва долгое время не издавались и его популярность стала постепенно угасать. «Он не считался запрещённым, антисоветским писателем, но на всём его творчестве как бы ставили крест пренебрежительные оценки дореволюционной либерально-демократической публицистики», – писал В. Б. Муравьёв [4, с. 244].

Советские читатели в романах Вс. Соловьёва не нуждались, что было обусловлено кардинально изменившейся общественно-политической обстановкой в России, вместе с которой приходили и новые художественные веяния. Историсофия революционных демократов, которые планировали глобальное переустройство мира, отрицала прошлое как таковое. Многие исторические факты тщательно ими скрывались от общества. К тому же, романист был склонен идеализировать многих российских монархов, изображённых на страницах его романов, а тенденциозная критика требовала изображения прошлого в чёрных красках как оправдания и обоснования революционности.

В конце XX в., после долгих лет забвения, творчество Всеволода Соловьёва «возвращается» к читателю. Начался новый этап осмысления его наследия. Существенно изменились научные подходы к произведениям писателя. В 90-е годы многие исторические романы прозаика были переизданы и сопровождались биографическими очерками, вступительными статьями и послесловиями, характеризующими его творчество в ином ракурсе. Благодаря

их авторам – А. Н. Сахарову, В. Б. Муравьеву, Т. Ф. Прокопову, С. Сироткину, И. Владимирову и др. – литературная репутация писателя была переосмыслена.

С. Сироткин называет Соловьёва ярким представителем так называемого «лубочного, рассчитываемого на массовый спрос жанра, получившего распространение в конце семидесятых годов XIX в.» [6, с. 5]. Однако, в отличие от К. П. Мелведского и А. М. Скабичевского, которые с помощью эпитета «лубочный» подчёркивали художественное несовершенство исторической прозы романиста, автор предисловия использует его в совершенно ином значении и подразумевает широкую читательскую аудиторию.

Доктор исторических наук, профессор А. Н. Сахаров в указанных критиками недостатках художественного метода беллетриста видел его достоинства: «Думается, что отмеченные критикой его художественные слабости в известной степени были и силой писателя. Именно эта увлечённость, страстность и <...> прямолинейность в обрисовке своих героев и привлекает, кроме других сильных черт творчества, к нему читателей» [5, с. 9]. Учёный чрезвычайно высоко оценивал произведения писателя, безупречно владевшего историческим материалом.

В 1990-е годы появляются первые научные работы, как всецело посвящённые исследованию того или иного аспекта обширного творческого наследия романиста, так и содержащие лишь отдельные упоминания о нём.

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы дать аналитический обзор наиболее существенных научных трудов, написанных в обозначенный период, и выявить неисследованные авторами грани творчества романиста.

А. П. Ауэр в книге «Салтыков-Щедрин и поэтика русской литературы второй половины XIX века» (1993) отмечает воздействие поэтики М. Е. Салтыкова-Щедрина на художественную систему Вс. С. Соловьёва. По мнению автора, постижение Соловьёвым творческого наследия сатирика осуществлялось через критику с последующей его художественной интерпретацией: «<...> вначале – критическое углубление в творчество

Салтыкова, а затем на основе этого происходит беллетристическая переработка определённых приёмов и мотивов» [1, с. 61].

Статья Вс. Соловьёва «Новые рассказы г. Щедрина под общим названием “Благонамеренные речи”» является критическим эссе на «головлёвскую» тему, в котором рассматриваются две сюжетные линии – развитие характера Порфирия Головлёва и судьба его племянницы Анниньки. Примечателен тот факт, что писателем успешно использована сатирическая гиперболизация – самый распространённый приём поэтики Салтыкова-Щедрина.

В прозе романиста щедринские традиции нашли отражение в повести «Старик». Герой Соловьёва, как и щедринский Иудушка, готов на всё ради приумножения своих богатств. Очевидной является и пушкинская традиция, на что указывает соответствующая реминисценция в тексте. Поскольку в «Господах Головлёвых» «генетическая связь с трагедией “Скупой рыцарь” проступает со всей очевидностью», А. П. Ауэр высказывает предположение о том, что «именно Салтыков подвёл Соловьёва к опыту Пушкина, внушив ему справедливую мысль: без Пушкина этой трагической темой овладеть невозможно» [1, с. 63].

Развитие сюжета повести Соловьёва почти полностью дублирует финальную коллизию хроники Щедрина, представляющую внимание читателя «мучительное возвращение Иудушки в человеческий мир» [1, с. 63]. Лишь на пороге смерти старик готов попроситься со своим богатством, отдалившим его от людей. Но осознание роковой ошибки приходит слишком поздно: «Этот трагический гротеск Соловьёва, безусловно, крепко связан с финальным гротеском в “головлёвской” хронике, где в последнем поединке встретились жизнь и смерть» [1, с. 64].

Учёный обращает внимание на то, что щедринские мотивы присутствуют и в заключительной части соловьёвской пенталогии – романе «Последние Горбатовы» (1886). Все персонажи «Господ Головлёвых» «встречены были Соловьёвым с эстетическим восторгом» [1, с. 62], однако наиболее сильное впечатление на беллетриста произвёл образ Анниньки. Груня фактически

повторяет драматическую судьбу шедринской героини: «увлечение театром – разочарование – возвращение домой». Оба романа сближают общность сюжета и стиль, однако повествовательная манера несколько отличается. Так, Салтыков рассказ о театральной жизни Анниньки сопровождает подробным описанием быта, прибегая, в отдельных случаях, к натурализации. Соловьёв же избегает детализации и растворяет её в подтексте, оставляя лишь сатирическую метафору – «дыхание житейской пошлости» [1, с. 64].

В статье Е. Вагина «Всеволод Соловьёв и Владимир Соловьёв» (1994) рассматривается вопрос о взаимоотношениях братьев, каждый из которых, по словам автора, «сыграл заметную роль в истории русской культуры» [2, с. 195]. В центре внимания исследователя – их общий интерес к проблемам мистики. Анализируя мистическую дилогию Вс. Соловьёва, включающую романы «Волквы» (1888) и «Великий розенкрейцер» (1889), Е. Вагин высказывает предположение о том, что прототипом главного героя романов, князя Захарьева-Овинова, мог быть младший брат писателя. В образе князя прослеживаются некоторые существенные черты личности философа (например, стремление к универсальному). Совпадают и их рассуждения о смысле любви (романы беллетриста сопоставляются с соответствующим циклом статей его брата). Портретного же сходства романист избегает.

Своеобразным «двойником» Захарьева-Овинова в романе является граф Калиostro, в чём литературовед усматривает определённое воздействие поэтики Ф. М. Достоевского. Антиподом же князя выступает его двоюродный брат – отец Николай. Противопоставление двух героев составляет, по мысли автора, «одну из главных сюжетных линий романа и как бы предопределяет духовную эволюцию Захарьева-Овинова» [2, с. 203]. В конце дилогии он приходит к истинно христианскому выводу: свет без тепла, т.е. знания без любви – ничто, сердце выше разума.

Украинская исследовательница Е. М. Шерман в своей кандидатской диссертации «Художественная специфика русского исторического романа второй половины XIX столетия и проблемы развития жанра» (Одесса, 1998)

выделяет четыре направления беллетристического исторического романа 1870-80-х гг.:

- 1) реалистический (Г. П. Данилевский, М. М. Филиппов, Е. П. Карнович);
- 2) условно-реалистический (Е. А. Салиас, Н. А. Чаев, Д. Л. Мордовцев);
- 3) романтический, или вальтер-скоттовский (Вс. С. Соловьёв);
- 4) условно-исторический, или «роман Дюма» (М. Н. Волконский).

Данная дифференциация базируется на аналогичном разделении исторической романистики 1830-х гг. на три направления (дидактическое, романтическое и реалистическое) в зависимости от задач, которые ставили перед собой авторы [9, с. 6-8].

Первые два направления, выделенные исследователем, возникли под влиянием творчества Л. Н. Толстого и отличаются достаточно высокой степенью новаторства. Представители же романтического исторического романа ориентировались на эталон, созданный «отцом жанра». Именно в творчестве Соловьёва, по мнению Е. М. Шерман, вальтер-скоттовский тип романа получает «второе дыхание».

В статье «Русский исторический роман 1870-1880-х годов: тенденции развития и проблемы исследования» (1999) литературовед объясняет феномен популярности беллетриста тем, что при создании своих произведений он опирался не только на романы Вальтера Скотта, но и на современную ему реалистическую романистику и лучшие образцы классической литературы. Творчество «шотландского чародея» подверглось в романах Соловьёва значительной трансформации, однако один из наиболее важных его принципов – серьёзное отношение к истории – беллетристом сохраняется. Его произведения основаны на исторических фактах, а значит, написаны с целью просвещения читателей [8, с. 79-80].

Подводя итог характеристике наследия писателя, автор статьи отмечает: «Романы Соловьёва – это своеобразный “типичный образец” беллетристического романа, одновременно его вершина и начало спада <...> После Соловьёва вальтер-скоттовская схема может существовать лишь на

самых низких уровнях литературной иерархии – романы Соловьёва были её “последним взлётom” в рамках доброкачественной беллетристики) (перевод мой – Е. К.) [8, с. 80].

В статье Е. М. Шерман «Исторический роман Вс.С. Соловьёва «Царь-девица» и пушкинская традиция» (1998) исследуется степень влияния творчества А. С. Пушкина на беллетристику посредством сопоставления его исторической драмы «Борис Годунов» и исторического романа Вс. Соловьёва «Царь-девица». Автор прослеживает механизм художественного заимствования и отмечает наличие прямых реминисценций в последнем. В произведении беллетриста, который использовал пушкинский текст в качестве эталона, практически полностью реализуется схема основного идейно-нравственного конфликта «Бориса Годунова». Продолжая пушкинскую традицию, Соловьёв осуждает царевну Софью, пришедшую к власти с помощью кровавого переворота. Конфликт заметно упрощается по сравнению с творением Пушкина, вследствие чего под пером романиста «философская трагедия превращается в банальную историю о раскаявшейся грешнице» [7, с. 104].

Конец XX века ознаменован защитой кандидатской диссертации А. В. Лексиной «Историческая проза Вс. С. Соловьёва (генезис и поэтика)» (Коломна, 1999), т.е. появлением первой крупной научной работы, посвящённой романисту. Цель исследования – «выявление генетических связей художественной системы Вс. Соловьёва с отдельными произведениями русской и зарубежной прозы XIX в. и анализ особенностей его поэтики в контексте литературного процесса 70-х–90-х гг. XIX в.» [3, с. 7].

Автор исследования мотивирует необходимость рассмотрения биографии писателя тем, что биографический контекст predetermined некоторые аспекты поэтики его произведений. Факторы литературной преемственности, т.е. влияние на историческую прозу беллетриста литературного наследия предшественников и современников, являются, по мнению литературоведа, более существенными. Именно поэтому они исследуются детально.

Опираясь на концепцию А. С. Бушмина, литературовед разделяет генетические связи исторической прозы Всеволода Соловьёва на три типа: контактный, контрастный и конфликтный. Влияния предшественников делятся, в свою очередь, на прямые (цитаты, реминисценции, преемственность в сюжетно-композиционной структуре) и косвенные (опосредованное приобщение к творчеству того или иного писателя посредством усвоения художественных принципов другого).

А. В. Лексина выделяет два направления приобщения Вс. Соловьёва к наследию предшественников. Первое направление объединяет писателей, большинство произведений которых посвящено современности и лишь некоторые написаны в жанре исторического романа или повести (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. Т. Аксаков, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Э. Золя, Э. Бульвер-Литтон). Второе направление включает исторических беллетристов (К. П. Масальский, В. И. Мирошевский, Е. А. Салиас, Г. П. Данилевский). Взаимодействие исторической прозы Соловьёва с художественными системами Пушкина, Гоголя, Аксакова, Толстого и Достоевского происходит по контактному типу. Приобщение к традициям Золя осуществляется по конфликтному типу. По контрастному типу усваиваются идейно-эстетические воззрения Бульвер-Литтона.

Влияние творчества Вальтера Скотта на историческую романистику Соловьёва, по убеждению учёного, было косвенным: «Если влияние В. Скотта и имело место, то лишь на уровне жанрообразующем и в плане разработки авантурной сюжетики в романах Вс. Соловьёва» [3, с. 75]. В романах основоположника жанра, как известно, главными героями являются вымышленные персонажи. В произведениях же Соловьёва на первый план выходят исторические личности.

Автор приводит несколько ярких примеров творческой реинтерпретации Соловьёвым исторических событий, изложенных в романах беллетристов-предшественников.

На формирование историсофских взглядов Соловьёва повлияли концепции Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва, идеи Ф. М. Достоевского и Вл. С. Соловьёва. По наблюдению А. В. Лексиной, «в исторической прозе Вс. Соловьёва совмещаются как историсофские взгляды, которые можно отнести к генетически зависимым от предшественников, так и собственные историсофские построения писателя, возникшие на основе усвоения всего предшествующего культурного и философского наследия» [3, с. 99]. Это наблюдение представляет для нас особый интерес, поскольку имеет непосредственное отношение к теме нашего исследования.

Ведущая роль в художественном методе Вс. Соловьёва отводится бытописательству, для которого характерны «детализация, тщательное описание предметов материального и духовного быта, частотное использование диалогов, дробность и мозаичность целостной картины мира, составленной из разноплановых бытовых зарисовок» [3, с. 68]. Цель подробного описания быта – «воспроизвести культурный фон эпохи, донести до читателя нравственный урок, извлечённый из истории» [3, с. 157].

Отличительной особенностью исторических произведений Соловьёва является «стремление к цивилизации, к объединению исторической канвы всех романов в непрерывный поток исторического развития» [3, с. 115]. Изложение романистом краткого содержания предыдущих произведений цикла, т.е. приём ретроспекции, А. В. Лексина обозначает термином «конспективный метод» [3, с. 117]. Соловьёв словно конспектирует созданные ранее романы, тем самым напоминая читателю те или иные события, в них изображённые.

Большинство произведений Соловьёва написаны в жанре романа-хроники. Пенталогия «Хроника четырёх поколений» в определённой степени тяготеет к жанру романа-эпопеи, поскольку в ней «последовательно освещается целая эпоха через историю нескольких поколений одной семьи» [3, с. 102].

А. В. Лексина отмечает следующие особенности поэтики «Хроники...»:

1) Налицо все составляющие цикла – жанровая, идейно-тематическая, стилистическая, сюжетная общность, «сквозные» персонажи, последовательное изображение исторической эпохи.

2) В поэтике «Хроники...» эпическое начало проявляется на уровне изображения «истории <...> многих человеческих судеб на протяжении длительного времени», что, согласно определению эпопеи, является одной из её основополагающих характеристик.

3) Первичным жанровым образованием, структурирующим поэтику романов, являются «семейные предания» [3, с. 118].

В исследовании рассматривается специфика воссоздания хронотопа в исторической прозе Вс. С. Соловьёва. Историческое время в его романах дискретно и неразрывно связано с биографическим. Художественное пространство замкнуто. Особую функцию выполняют хронотоп дороги и хронотоп «гостиной».

Стилистическими доминантами исторической прозы романиста являются описательность и психологизм (в области изображённого мира), а также использование историзмов, архаизмов, сниженной лексики, пословиц и поговорок, идиоматических выражений (в области художественной речи). Ведущими синтаксическими фигурами являются повторы, риторические вопросы и обращения.

Обзор вышерассмотренных научных работ позволяет нам выявить следующие аспекты творческого наследия романиста, неисследованные их авторами: соотношение исторического факта и художественного вымысла в исторической прозе Вс. Соловьёва, особенности авторской трансформации вальтер-скоттовской модели исторического романа, специфика воссоздания беллетристом исторического колорита, историософская проблематика «Хроники четырёх поколений», типология характеров, имагологические мотивы пенталогии. Уточнения требуют также жанровое своеобразие романа-семейной хроники и особенности репрезентации художественного времени как составляющей хронотопа исторических романов писателя.

В начале XXI века интерес литературоведов к творческому наследию Всеволода Соловьёва, а именно к его исторической романистике, заметно возрастает, о чём свидетельствуют ряд защищённых кандидатских и докторских диссертаций и изданных монографий, а также многочисленные статьи, в которых проанализированы различные аспекты творчества писателя. Детальное изучение рецепции творчества Соловьёва в научном дискурсе XXI века помогло нам наметить векторы наших дальнейших исследований, связанных с рассмотрением историко-софской концепции романиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэр А. П. Салтыков-Щедрин и поэтика русской литературы второй половины XIX века / А. П. Ауэр. – Коломна: Изд-во Коломенского педагогического института, 1993. – 112 с.

2. Вагин Е. Всеволод Соловьёв и Владимир Соловьёв / Е. Вагин // Антология гнозиса: современная русская и американская проза, поэзия, живопись, графика и фотография / Под ред. А. Ровнера, В. Андреевой, Ю. Д. Ричи, С. Сартарелли. – СПб.: МЕДУЗА, 1994. – Т. 1. – С. 195–204.

3. Лексина А. В. Историческая проза Вс. С. Соловьёва (генезис и поэтика): дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Лексина Анна Владимировна. – Коломна, 1999. – 175 с.

4. Муравьёв В. Б. Об авторе (Послесловие) / В. Б. Муравьёв // Соловьёв В. С. Юный император: Роман. – М.: Современник, 1993. – С. 244–253. – (Государь Руси Великой).

5. Сахаров А. Н. Исторический мир Всеволода Соловьёва / А. Н. Сахаров // Соловьёв Вс. С. Жених царевны; Касимовская невеста: Исторические романы. – М.: Дружба народов, 1994. – С. 3–10.

6. Сироткин С. Предисловие / С. Сироткин // Соловьёв В. С. Царь-девица; Русские крестоносцы. – М.: Прометей, 1990. – С. 5–8.

7. Шерман Е. М. Исторический роман Вс. Соловьёва «Царь-девица» и пушкинская традиция / Е. М. Шерман // Пушкин и русская культура:

Материалы конференции молодых учёных (11-13 ноября 1997). – М., 1998. – С. 100–105.

8. Шерман О. М. Російський історичний роман 1870-1880-х років: тенденції розвитку і проблеми дослідження / О. М. Шерман // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди (серія Літературознавство). – Харків, 1999. – Вип. 3 (24). – С. 73–82.

9. Шерман О. М. Художня специфіка російського історичного роману другої половини XIX століття і проблеми розвитку жанру : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.02 «Російська література» / О. М. Шерман. – Одеса, 1998. – 16 с.

АНОТАЦІЯ

Карпіна О. С. Рецепція творчості Всеволода Соловйова у науковому дискурсі кінця XX століття

У статті розглядаються погляди сучасних дослідників на творчість Всеволода Соловйова – відомого російського історичного романіста XIX-XX століть. Установлено, що рецепція спадщини письменника літературознавцями XX століття значно відрізняється від оцінок художнього методу белетриста сучасниками. Автором представлений аналітичний огляд деяких наукових робіт О.П. Ауера, Є. Вагіна, О.М. Шерман та А.В. Лексіної, написаних у 1990-ті роки. На основі аналізу розглянутих у статті праць виявлено недосліджені авторами грані великої творчої спадщини романіста.

Ключові слова: рецепція, науковий дискурс, художній метод, творча спадщина, історична проза, белетристика, вальтер-скоттівський історичний роман, поетика, хронотоп, пенталогія.

АННОТАЦИЯ

Карпина Е. С. Рецепция творчества Всеволода Соловьёва в научном дискурсе конца XX века

В статье рассматриваются взгляды современных исследователей на творчество Всеволода Соловьёва – известного русского исторического романиста рубежа XIX-XX веков. Установлено, что рецепция наследия

писателя литературоведами XX века значительно отличается от оценок художественного метода беллетриста современниками. Автором представлен аналитический обзор некоторых научных работ А.П. Ауэра, Е. Вагина, Е.М. Шерман и А.В. Лексиной, написанных в 1990-е годы. На основании анализа рассмотренных в статье трудов выявлены неисследованные авторами грани обширного творческого наследия романиста.

Ключевые слова: рецепция, научный дискурс, художественный метод, творческое наследие, историческая проза, беллетристика, вальтер-скоттовский исторический роман, поэтика, хронотоп, пенталогия.

SUMMARY

Karpina E. S. Reception of Vsevolod Solovyov's creative works in the scientific discourse of the end of the XX century

The article deals with the views of contemporary researchers on the creative works of Vsevolod Solovyov – a famous Russian historical novelist of the turn of the XIX-XX centuries. It is determined that the writer's heritage reception by the philologists of the XX century differs greatly from the assessments of the fiction writer's artistic method by the contemporaries. Analytical review of some scientific works by A. P. Auer, E. Vagin, E. M. Sherman and A. V. Leksina written in the 1990s is presented by the author. On the basis of the analysis of the papers reviewed in the article the verges of the novelist's extensive creative heritage uninvestigated by the authors are revealed.

Key words: reception, scientific discourse, artistic method, creative heritage, historical prose, fiction, Walter Scott's historical novel, poetics, chronotope, pentalogy.